

Ю р и й К о в а л ь

УТЕШЕСТВИЕ НА ГРАНИЦУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»

**Юрий
Коваль**

**ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ГРАНИЦУ**

Рисунки
В.Лосина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"МАЛЫШ"
МОСКВА • 1969

Что же это такое — граница?
Может быть, это край земли,
то место, куда солнце прячется?

Нет, граница — это, конечно, не край земли.

Это вовсе не то место, куда солнце прячется.

А чтобы понять, что такое граница, надо представить себе нашу страну. Она ведь очень большая. Едешь на поезде, едешь, едешь, а всё никак не доедешь до самого конца.

Но в том месте, где всё-таки кончится наша земля, там — граница.

С одной стороны границы земля наша, с другой — чужая.

С разными государствами граничит наша страна: с Финляндией и с Польшей, с Румынией, с Турцией и ещё с другими.

Как-то раз автор и художник этой книжки добрались до самой границы. Они думали по простоте душевной, что там на земле какая-нибудь черта, наверно, нарисована.

Но никакой черты там не было. А в долине между гор на рыжей и обветренной земле стоял полосатый столб. Вот за этим столбом была уже чужая земля.

Границу охраняют наши солдаты-пограничники. Трудная у них служба.

Эта книжка — о границе и пограничниках.

В Москве был дождик.

Тусклые облака плыли над городом.

Наш самолёт стоял среди серых луж, пасмурно поблёскивая.

Заревели моторы, и вначале медленно пополз самолёт по бетонному полю, потом разогнался и сорвался с земли — влетел в пухлую тучу.

Рыхлой оказалась туча и сырой. Она расступилась — и голубое открылось за нею небо.

Самолёт окунулся в него. Сверкнул под солнцем. А встречный ветер смыл с крыльев последние пасмурные пятна.

— Здорово! — крикнул мне художник Веня.

Земля раскинулась под самолётом — выпуклая, бурая, с пятнами лесов на буграх.

Самолёт набрал высоту, и постепенно всё слилось внизу в дымчатое пятно, пятно земли — рыжее и голубое.

Мы с художником Веней летели на границу.

Самолёт накренился, задрал одно крыло кверху, а в круглом окошке двинулись прямо на нас волны — море лежало под самолётом, рябое и, видно, глубокое.

Тень самолёта заскользила по волнам, и дельфины выпрыгнули из воды, испугавшись этой тени.

Мы увидели песчаный бёрег, изогнутый серпом, а дальше — горы.

Самолёт приземлился.

Вокруг аэродрома теснились горы, покрытые будто зелёными пузырьками или пупырчатыми водорослями. Это тянулись по склонам гор виноградники, мандариновые рощи.

Не успели мы оглядеться — подошёл человек в пограничной форме.

— Старшина Мордвинков,— сказал он и протянул руку.

Через две минуты пограничная машина ГАЗ-69 уже мчала нас в горы.

Я никогда не видел, как растут мандарины, и теперь разглядывал мандариновые деревья, которые стояли вдоль дороги. Они были невысоки, меньше яблони. Их ветки и листья так ловко отходили от ствола, что получался как будто большой зелёный шар, и тёмный и блестящий. Внутри этого шара горели оранжевые колобки — прохладные мандарины.

— Интересно,— сказал я,— поспели мандарины или нет?

Старшина не ответил, и мне даже стало неловко.

— Остановись-ка,— сказал старшина шофёру.

У самой дороги под мандариновым деревом сидел дядя в белом тюрбане.

— Исмет! — крикнул старшина.— Можно мандаринчика попробовать?

Дядя закивал, замахал руками: валяйте, мол, кушайте, пробуйте сколько угодно.

Я сорвал мандарин и только отколупнул корку — будто вспыхнуло что-то — запах мандарина ударил в голову.

— Здорово! — сказал художник Веня.— Тепло, и можно каждый день мандарины лопать!

— Верно,— старшина кивнул, а потом показал рукой куда-то вверх: — Видите вон ту гору?

— Вон ту?

— Нет, нет... Другую, выше... Видите?

КОЗЫРЁК

Высоко в горах — пограничная застава.

Там совсем не растут деревья. Даже ни одного кустика нигде не видно — всё серые скалы и красные камни.

Круглый год над заставой дует ветер.

Летом он несёт мелкие камешки и пыль, весной и осенью — пыль, смешанную с дождём и снегом, а зимой — снег, снег, снег...

В тот год зима пришла рано. Горный тугой ветер наметал огромные сугробы, разрушал их и взамен выдувал новые, ещё более огромные и причудливые.

Начальником заставы был лейтенант по фамилии Генералов.

— С такой фамилией быть тебе генералом,— говорили ему друзья.

А лейтенант Генералов отвечал:

— Мне и так неплохо.

Рано утром 31 декабря, то есть под самый Новый год, лейтенант вышел на крыльцо и удивился: тихо вокруг и даже солнце светит. Он уже хотел закурить, как вдруг увидел на склоне горы какую-то штуку.

«Это ещё что? — подумал лейтенант. — Неужто козырёк?»

На склоне горы, над обрывом, висел большой тяжёлый сугроб, нахлобученный ветром на камни.

В горах ветер выделяет со снегом всякие чудеса. Вот он смёл его на край обрыва — и получился сугроб-козырёк. Висит он в воздухе и на чём держится — непонятно. А сорваться может в любую минуту.

Было очень солнечно, и козырёк светился оранжевым и красным. Под ним лежала ясная изумрудная тень, и в тени этой медленно двигались кривые солнечные зайчики.

Самый край козырька был зазубренный, будто хребет какого-то древнего зверя. Он припал к скале, прижался к камню холодным радужным телом — вот прыгнет вниз и накроет человека широким крылом.

— Да,— сказал старшина Мордвинков, подходя к лейтенанту,— противная штуковина.

Они ещё поглядели на козырёк и решили его разрушить.

— А то ведь что может быть,— сказал старшина,— снегу поднавалит, рухнет козырёк и того гляди кого-нибудь из наших ребят зацепит.

Лейтенант и старшина надели лыжи и пошли на гору.

Такие козырьки часто обваливаются от громкого звука, поэтому, когда они подошли совсем близко, лейтенант хотел стрельнуть.

— Погодите,— сказал старшина,— чего зря патрон тратить.

Он набрал полную грудь воздуха и вдруг крикнул: — БЭМС!

Никакого толку — козырёк не дрогнул.

— ПРРРОПАДИ ТЫ ПРОПАДОМ! — крикнул старшина.

Козырёк опять не дрогнул. Тогда лейтенант достал пистолет и выстрелил. От выстрела зазвенело в ушах и что-то где-то ухнуло в ущелье, но козырёк так и не шелохнулся.

— Не созрел,— сказал старшина, когда они шли обратно на заставу. Солнце быстро пробежало по небу, и день кончился.

А вечером поднялся буран.

Ветер выл, разбрасывал снежинки, крепкие, как пули.

На заставе устроили новогодний ужин. Солдаты пили компот из кружек, потому что вина им нельзя — граница за горами. А горы — вот они. Поиграв на баяне и поглядев новогоднюю ёлку, солдаты легли спать. А лейтенант Генералов подозвал старшину и сказал:

— Тревожит меня этот проклятый козырёк. Как бы не рухнул.

— Буранище крепкий,— ответил старшина,— но будем надеяться, всё обойдётся.

Ветер ещё усилился, всё больше наметал снегу.

Козырёк вырос, распух и уже еле держался над обрывом. Вот он медленно наклонился — кррр! — что-то скрипнуло у него внутри. Он прополз немного и вдруг — рухнул с горы.

Страшная снежная волна мчалась вниз, сметая и расшибая сугробы.

Лейтенант Генералов хотел лечь спать, когда услышал какой-то шум. Вот стена дрогнула перед его глазами. Дёрнулся пол. Он кинулся к двери,

но дверь сама вылетела ему навстречу. В грудь ударило чёрной волной. И эта чёрная волна — был снег.

Лавина рухнула на заставу. Снег вышиб окна, ворвался в комнату, где спали солдаты, и забил её до потолка. Новая волна сшибла дом с места, опрокинула набок и совсем завалила его.

Лейтенант Генералов пробовал шевельнуться и не мог. Его сдавило так плотно, будто не снегом, а студёной жёсткой землёй. Он забился в снегу, расталкивая его локтями, но холодная тяжесть давила на плечи, и не было сил с ней справиться.

«Ну, всё,— подумал лейтенант,—не выберусь...»

Он задыхался. Широко раскрыв рот, он пытался вздохнуть и втягивал в себя снежную труху. Она таяла на губах, на щеках. Он ударил в снег кулаком, и рука его встретила пустоту — окно, выбитое снежной волной.

Лейтенанту Генералову повезло. Он протиснулся через окно, попал в полосу рыхлого снега и выбрался на гребень сугроба.

В предутреннем свете глянул вокруг и не увидел заставы. Ни крыши, ни стен, ни дверей — снег... Он крикнул, но никто не услышал его.

Он один выбрался из-под обвала.

Ветер выл, затягивал сугроб узлами, нёс льдинки, которые со звоном впивались в лицо.

Лейтенант пробрался обратно через то же окно и уткнулся в снежную стену. Руки сразу застыли, сделались вроде деревянные, выструганные из еловой доски, и он разгребал снег, словно двумя лопатками.

Он полз и что-то кричал в темноте, но, что это были за слова и какой в них заключался смысл, разобрать было невозможно.

Прошёл, наверно, час.

Лейтенант пробил в снегу узкую щель и добрался до койки, на которой всегда спал солдат Игорь Соколов. Койка была пуста.

Стало страшно. Показалось, что нет уже никого под снегом, что все люди умерли, рассыпались и превратились в снег.

Вдруг он почувствовал, что будто бы шерсть какого-то зверя трогает руками. Будто бы зверь этот спит здесь, в снегу.

Это была ветка новогодней ёлки.

— Уууууууу,— послышалось, и он не мог понять: ветер ли воет, человек ли зовёт. И понял, что рядом живой, что это он кричит, а слов не разберёшь и слышен только глухой жуткий звук ууууууууу...

Старшина Мордвинков пробирался навстречу лейтенанту, и они столкнулись лицом к лицу в темноте.

Теперь они копали вдвоём и помогли выбраться ещё двум солдатам.

Они нашли фонарь и нашли автоматы и вчетвером уже крушили снег.

Через два часа они откопали всех. Только солдата Соколова нигде не было. Они копали ещё час и нашли Соколова.

А к утру буран поутих. Выбравшись наружу, пограничники увидели, что все постройки на заставе занесены снегом, только радиоантенна торчит, будто метёлочка.

Увязая в снегу, они стали спускаться с горы на соседнюю заставу и поочерёдно несли на руках Игоря Соколова.

* * *

Давно уже осталась внизу мандариновая роща. Наша машина ползла вверх по дороге, закрутившейся вокруг горы. По горному склону, среди скрюченных кустиков бродили овцы. У старинной крепости, выстроенной на скале, машина остановилась, художник Венья сел на камень порисовать. А я спросил старшину:

— Что же было дальше с Соколовым? Выздоровел он?

— Порядок,— ответил старшина и вдруг засмеялся: — Послушайте, чем всё кончилось...

Когда наступила весна и снег начал таять, мы с Игорем Соколовым пошли на заставу. Там ведь у нас целое хозяйство, и под

снегом осталось много нужных вещей. Бродили мы, бродили — тут сапог найдём, там ещё чего. Вдруг я слышу из-под снега какой-то звук! Ну, думаю, померещилось.

— Слышишь что-нибудь, Соколов?

— Слышу,— говорит,— кто-то слабо хрюкает!

— Слабо хрюкает?

— Слабовато!

— А ну давай лопату!

Копнули мы два раза и выкопали... живую свинью!

Три месяца прожила она под снегом, и хоть бы что. Тощая была, смотреть жалко. Всю землю под заставой она разрыла, корешки искала и этим жива была.

Когда об этом узнали на соседних заставах, стали в гости ходить, на свинью глядеть. А мы ее выходили, давали ей по картошине и прозвали Снежной королевой.

* * *

Веня закончил свой рисунок, и мы поехали дальше.

Дорога становилась всё уже, а горы сделались совсем неприступными.

С правой стороны от дороги была пропасть. На крутых поворотах мы с Веней переглядывались и, видно, у нас была одна и та же мысль: как бы не свалиться.

На дне пропасти бился горный зелёный ручей.

— Есть в нём форели? — спросил я.

— Есть,— ответил старшина,— только поймать трудно.

— Сейчас бы форели половить,— сказал Веня.

Разговор у нас зашёл о рыбах, о рыбалке, потом почему-то он перешёл на собак.

— У нас на одной заставе,— сказал старшина,— жил пёс с рыбьим именем. Его звали Елец.

— Я ловил ельцов,— сказал Веня,— это такая небольшая рыбёшка.

ЕЛЕЦ

На одной заставе жил пёс, которого звали Елец.

Это был уже старый пёс. Настоящую службу он нести не мог.

— Что поделаться,— говорил сержант Гришкин,— собаки быстро стареют, не то что человек.

Но, конечно, дело было не только в этом. Чуть не десять лет охранял Елец границу. И за это время побывал в разных переделках. В таких, из которых человек-то не всегда целым выходил.

Но Елец всё-таки вышел из этих переделок целым и теперь жил как бы на пенсии. Горшок борща с хорошей костью — вот это и была его пенсия.

А застава, где жил Елец, находилась на вершине горы, и дороги туда не было. Вместо дороги в гранитной скале были выбиты ступеньки — ровно четыре тысячи.

По этим ступенькам каждое утро вниз, в долину, спускались сержант Гришкин и ещё два пограничника. Они шли на продовольственную базу, а с ними бежал Елец.

Холодно было на вершине.

С заставы пограничники выходили в полушубках, но, пройдя три тысячи ступенек, полушубки снимали и прятали в расселину — с каждым шагом становилось теплей.

Пока они хлопотали на продовольственной базе, Елец лежал на тёплых камнях или сонно хлебал борщ из алюминиевой миски.

К полудню пограничники оканчивали свои дела.

— Ну,— говорил Гришкин и подмигивал Ельцу,— теперь бы окрошечки погонять.

* * *

Как-то они возвращались на заставу и тащили на себе большие мешки, а Гришкин нёс ещё и бидон с молоком.

Бидон сверкал, и издали казалось — три горбуна ползут по лестнице в облака и несут с собою зеркало.

Издали на пограничников смотрел человек.

Ещё утром он перешёл границу, а теперь укрылся между валунами, пережидал.

А они обливались потом и старались не считать про себя ступеньки. Но ступеньки считались сами собой: сто один, сто два, сто три, сто четыре, сто пять...

У тысячной ступеньки Гришкин поставил бидон, скинул мешок.

Он достал из расселины полушубок и вытряхнул ящериц, которые грелись в рукавах.

— Катитесь! — сказал он ящерицам.

С вершины дунул ветер, поднял со ступенек горсть гранитной пыли и завыв в ущелье, затрубил в каменную трубу.

Елец подставил голову под ветер и зарычал. К запаху льда и камней, треснувших от мороза, к запаху ветра, пришедшего с вершины, подмешался запах человека.

— Чужой, — сказал сержант Гришкин.

— Нет, — сказал другой пограничник. — Елец — старый пёс. Это он так волнуется, от старости.

«Неужто заметили? — подумал человек, укрывшийся в камнях. — Проклятый пёс! Учуял, кажется».

Он целится в Ельца из пистолета.

— Чужой! — повторил Гришкин.

И тут же белый сноп ударил его в лицо. Пуля пробила бидон — молочная струя хлестнула по ступенькам.

Нарушителю показалось, что выстрел сшиб всех трёх пограничников. Только пёс крутился на ступеньках.

А пограничники отползли со ступенек и повисли над обрывом. Мешки с продуктами заслонили их.

Нарушитель ещё раз выстрелил в Ельца, и пуля — надо же! — снова ударила в бидон.

Он прыгнул от удара и со звоном покатился вниз, разбрызгивая остатки молока.

Бидон сорвался в пропасть, и ветер подхватил его, засвистел в дырках от пуль.

Бидон падал в пропасть, словно огромный сверкающий свисток.

Гришкин увидел человека, прижавшегося к камню, и выстрелил. Пуля попала в камень — осколки резанули нарушителя по щеке. Он побежал.

Гришкин ещё раз выстрелил — нарушитель оступился и сорвался в пропасть, где прыгал ещё и бился на дне измятый бидон.

Как-то сержант Гришкин увидел во дворе продовольственной базы ушастого ишака.

— Это ещё что? — спросил он.

— Ишак, — ответили солдаты с продовольственной базы, — мы на нём продукты возим.

— Дела, — сказал Гришкин. — А как его зовут?

— А никак. Ишак, и всё.

— Вот что, ребята, — сказал тогда Гришкин, — отдайте его мне.

— Ну нет, — сказали солдаты, — это наш ишак, а не твой.

— Ладно вам, — уговаривал их Гришкин и объяснял, как трудно таскать на гору продукты.

Пока Гришкин разговаривал с солдатами, Елец подошёл к ишаку и ткнул его носом в бок. Ишак поглядел на Ельца и качнул головой, а Елец опять ткнул его носом в бок.

— Вот видите, — говорил Гришкин, — уже и Елец с ним познакомился.

— Да не пойдёт он по ступенькам, — говорили солдаты с продовольственной базы, — этот ишак привык ходить по ровному месту.

— Моя будет забота, — ответил Гришкин.

Он привязал на спину ишаку мешки с продуктами и бидон с молоком. Потом хлопнул его ладонью и сказал:

— Валяй!

Ишак потихоньку пошёл, покачивая головой, а пограничники пошли следом.

У скалы, где начинались ступеньки, ишак остановился.

— Так и есть, — говорили солдаты с продовольственной базы.

Они глядели снизу в бинокль — этот ишак привык ходить по ровному месту.

— Давай, давай, — подталкивал ишака Гришкин, — валяй!

Нет, ишак не хотел идти вверх. Не то чтобы он упирался или брыкался, а просто стоял — и всё.

— Ишак-то наш, — сказал Гришкин, — видно, глуповат.

Тогда Елец подошёл к ишаку и ткнул его носом.

То ли нос был у Ельца холодный, то ли, наоборот, тёплый — только ишак качнул головой и пошёл по ступенькам.

«Да что он? Укусил его что ли?» — думали солдаты с продовольственной базы, глядя в бинокль.

Ишак медленно поднимался в гору, ступенька за ступенькой. Елец бежал рядом и поглядывал, как бы ишак не свалился в пропасть.

Так они и добрались до заставы: впереди ишак, за ним Елец, а следом, налегке, пограничники.

Прошла неделя, другая, и пограничники перестали спускаться вниз.

Сержант Гришкин навьючивал на ишака порожние мешки, хлопал его ладонью и говорил:

— Валяй!

Ишак спускался по ступенькам, а следом бежал Елец.

На продовольственной базе солдаты нагружали ишака. Тоже хлопали его по спине и тоже говорили:

— Валяй!

Ишак отправлялся обратно.

Издали странно было видеть, как поднимается по ступеням в облака маленький ушастый ишак, тащит на себе мешки и бидон, сверкающий, как зеркало, а следом бежит старый пёс Елец.

* * *

Дорога стала совсем крутой, и машина пошла медленней.

Мы поднимались на вершину горы, на самую высокую заставу. Здесь уже не было деревьев, они остались внизу.

У ворот нас встретил пограничник, проверил документы, и только потом ворота открылись.

Наконец мы были на пограничной заставе.

Огляделись и ничего особенного не увидели — несколько домов, дорожки, посыпанные битым камнем. Нас поджидал капитан Аверкин, начальник заставы.

— Ну,— сказал он, когда мы познакомились,— что же вам показать?

— Собак,— ответил художник Веня, и я подтвердил: — Собак.

Капитан повёл нас глядеть собак.

Собаки жили в небольшом сарае, и у каждой из них была такая вроде отдельная комнатка с решётчатой дверью. Над каждой дверью висела табличка, а на ней было написано имя собаки: Бром, Буря, Елец, Алый, Матрос.

Собаки, увидев нас, так зарычали, что художник Веня даже побледнел. Особенное впечатление произвёл Матрос.

Этот Матрос поднялся на задние лапы, а передними упёрся в решётку и страшно посмотрел на Веню.

Клетка с надписью «Алый» была пуста.

— Где же Алый? — спросил я капитана.

— Погиб.

Мы вышли во двор и вдруг увидели маленького мальчика лет четырёх.

Оказывается, он живёт на заставе с самого рождения, потому что здесь служит его отец.

Мальчик поманил пальцем художника Веню.

— Ну,— сказал Веня,— здравствуй.

— А ты большую собаку боишься?

— Боюсь,— честно сказал Веня.

— А маленькую?

— А маленькую не боюсь.

Мальчику это понравилось, потому что с ним был тот же самый случай.

Вечером, когда солнце закатилось, капитан Аверкин сказал:

— Сейчас мы увидим луч.

— Какой луч?

Капитан не ответил, а когда совсем стемнело и горы пропали в темноте, он снова сказал:

— Луч!

И вспыхнуло что-то на вершине горы, и медленно пополз по склонам сноп холодного света.

Засверкали камни.

Трещины на них стали так ясно видны, будто камни трескались под светом луча.

Пограничники вглядывались в каждый камешек — не идёт ли кто через границу?

Луч полз и полз по склону — мёртвыми и прозрачными казались скалы в его свете.

Луч погас, и сделалось совсем темно.

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

Прошла ночь.

Бледный рассвет поднялся над горой и осветил кругом горы, камни, скатившиеся со склонов, землю. Нашу и чужую.

Плавная тень выскользнула из ущелья и высоко в небе превратилась в слабую точку — неподвижного орла.

Чужая земля — вот она, близко. Такая же земля, как наша — коричневая, потому что наступила уже осень, завяла трава и стебли её высохли.

На самой вершине горы пограничная вышка. Оттуда далеко видно: и чужую землю видно, и нашу.

Видно, как горы стекают со своих вершин, переходят одна в другую.
Камни вокруг и камни, вялая трава, полосатые пограничные столбы...
пустынно.

Высоко стоит орёл в утреннем небе.

Серо и коричнево по горам. Только в одном месте, на пологом склоне —
зелёная полоса. Там бьёт из земли подкаменный ключ, и трава у ключа
ещё не умерла от осенних ночных заморозков, держится, зеленеет до пер-
вого снега.

Ключ разливается по земле ручьём, и у ручья, в зелёном квадрате,
медленно движется светлое пятно — белая лошадь.

Где-то внизу, в долине, она вырвалась из табуна и помчалась в горы.
Вдоль самой границы бредёт лошадь, пасётся.

— Всё тихо,— докладывает пограничник с вышки по телефону,— всё
тихо, товарищ капитан. Только возле ручья бродит белая лошадь.

— Белая лошадь?

— Белая лошадь.

— Продолжайте наблюдение.

Вправо, влево, по склону, по ущелью, по нашей земле, по чужой ползут толстые стёкла бинокля. В них плывут каменные россыпи, крутобокий валун искривляется в гранях стекла. Близко перед глазами, бродит лошадь.

Солнце приплыло к полудню.

Орёл переместился ниже, и видно теперь, что он совершает медленные круги над землёй.

В ущелье, из которого он поднялся утром, что-то мелькнуло.

Медленно-медленно чуть заметные пятна ползут краем расселины, хороются за гребнями камней.

В круглых стёклах бинокля они увеличились — волки.

— Волки! — докладывает пограничник с вышки по телефону.— Идут по следу лошади.

Светлое пятно неподвижно в зелёном квадрате. Лошадь стоит у ручья, охваченная внезапным теплом осеннего солнца. Она покачивает головой, мерно покачивает головой в стёклах бинокля.

Волки приближаются к валуны. Он лежит на их пути к лошади.

Видно в бинокль, как первый волк дрогнул и подскочил вверх. Потом упал, ударил головой в землю. Метнулись в сторону два других волка, и скоро донёсся до пограничника на вышке слабый щелчок — выстрел.

— Рядовой Денисов убил волка, — докладывает пограничник с вышки по телефону, — два других идут по следу лошади.

Светлое пятно выскользнуло из зелёного квадрата — лошадь мчится по высохшей земле.

Бьёт пена из её ноздрей, комья и камешки рвутся из-под копыт.

Волки ныряют в низинки, выносятся на бугры — чуть заметные точки, сплюснутые пространством.

Мельтешат копыта, бешено мечется грива, и крутые колени, напряжённо согнутые в беге, дрожат в круглых стёклах бинокля. Видно, как вздулись тяжёлые жилы на шее лошади.

Наша земля легко спустилась с горы, пролегла под полосатым столбом и поднялась вдали уже чужой горою.

Пограничник на вышке видит, что лошадь пересекла границу. Волки бегут чуть ли не вровень с лошадыо, но теперь стрелять нельзя — чужая земля.

Это так незаметно. Только пограничный столб, повёрнутый к нам иностранным гербом, отмечает, что уже и шагнуть дальше нельзя.

Вдали за столбом видно селенье. Прибитые к земле, сложенные из тёмных камней домики — каменные шалаши. Низкие крыши наплывают одна на другую. Это кочёвка. Летом здесь живут пастухи, а сейчас осень — пусто. Вспыхивает под солнцем у крайнего дома то ли осколок стекла, то ли след слюды на камне...

Голова лошади запрокинута. В ярости и страхе она уже не видит, как прыгнул волк, и не чувствует скользящего удара. Тонкой нитью пересекла

бок лошади кровавая полоса. Второй волк прыгнул и сам отлетел, закувыркался под откос.

Пограничник на вышке ведёт бинокль: то внаклон, то вбок пересекаются склоны гор, то вперёд, то назад ломаной линией проходит по ним граница.

То входит чужая земля клином в нашу, то наша в чужую.

Белая лошадь бежит по прямой.

Вот она снова уже на нашей земле.

Видно в бинокль, как растёкся кровавый ручей на её боку.

Из щели между скал блеснуло холодом — волк покатился через голову, а второй закрутился на месте и пополз, пополз в сторону.

Автоматная очередь донеслась до наблюдателя на вышке, легко прошестела и рассыпалась по склонам гор.

— Наряд Степанова уничтожил волков, — докладывает пограничник по телефону.

Вскинув голову, мчится лошадь и долго ещё перекачивается мелкой точкой среди гор. Только у ручья в зелёном квадрате останавливается.

Видно в бинокль, как она катается по траве, поворачивается на спину...

Пограничник на вышке поводит бинокль вдоль воображаемой линии, тяжело лежащей на земле, — границы...

Круглые стёкла минуют каменные россыпи, натыкаются на полосатые столбы. В них всплывает чужое селение, пустые горы вокруг.

Солнце доплыло до заката.

Орёл отлетел далеко, и уже только в бинокль видно, как стоит в небе неподвижная точка.

— Всё тихо,— докладывает пограничник с вышки по телефону,— всё тихо, товарищ капитан. Только возле ручья бродит белая лошадь.

— Белая лошадь?

— Белая лошадь.

— Продолжайте наблюдение.

* * *

На следующий день нам с художником Веней надо было ехать дальше. Мы попрощались с капитаном Аверкиным и старшиной Мордвинковым.

Когда мы отъехали уже далеко, то вдруг встретили на дороге пограничника.

Вместо автомата у него в руках была сумка-авоська, а в авоське сидел разноцветный и злой петух.

Перья петуха горели на солнце, гребешок налился кровью и был огненным.

Машина остановилась.

— Кук! — крикнул петух, а пограничник козырнул нам.

— Куда ты его тащишь? — спросил художник Веня.

— На заставу, — ответил пограничник, — куриное хозяйство заводим.

Мы поехали дальше, и пограничник махнул нам рукой, а петух затрепетал в авоське и поглядел вслед яростным глазом.

Так мы путешествовали с художником Веней, и пограничники стали нашими друзьями.

В этой книжке мы передаём привет нашим друзьям — старшине Мордвинкову, капитану Аверкину, маленькому мальчику с заставы и тому пограничнику, что нёс петуха в сумке-авоське.

23 коп.

018

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Юрий Иосифович Коваль
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГРАНИЦУ

Художник В. Лосин

Редактор Т. Носова. Художественный редактор Ю. Поливанов. Технический редактор Т. Щел-
тева. Корректоры С. Бланкштейн и Н. Пьянкова. Сдано в производство 10/11-69 г. Подписано
в печать 31/X-69 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60×90/8. Печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,21. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 968. Заказ 1577. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.
Москва, А-55. Бутырский вал, 68. г. Минск. Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, Красная, 23.